

200-летие победы России в Отечественной войне 1812 г. Россия будет отмечать в этом году.

Победа эта далась ценой неисчислимых жертв мирного населения, разрухи городов, крупных военных потерь. Здесь уместно вспомнить слова современника событий А.С. Пушкина: *«Кто нам помог... Остервенение народа... Барклай, мороз и русский Бог...»*

Когда Румянцев узнал о том, что война стала фактом, с ним случился тяжелейший инсульт, на некоторое время он оказался в стороне от государственной деятельности. Видя, по какому сценарию развиваются события, канцлер, министр иностранных дел Румянцев подал в отставку. Императору же он был по-прежнему нужен, прежде всего, как крупный дипломат, которому придется рано или поздно иметь дело с Меттернихом, Талейраном, с другими фигурами европейской политики. Кто-то должен будет заниматься вопросами послевоенного урегулирования, исправления последствий избавления Европы от Наполеона. Но Румянцев стоял на своем. Для себя он окончательно решил оставить министерский пост, сдал ключи, покинул Министерство. Постепенно его здоровье восстановилось. Дальше он целиком сосредоточился на той просветительской, меценатской деятельности, о которой в стенах РГБ уже не один год вспоминают и за это особенно чтут. Горняя ему слава и почет.

Однако мы обязаны воздавать должное Румянцеву-государственнику, патриоту, политическая судьба которого была незаслуженно предана забвению. Исторический опыт его служения — бесценное наследие. Оно, прорастая сквозь время, обретает все более высокую цену и значение в современности.

УДК 929(470+571)Румянцев Н.П.

ББК 63.3(2)521-8 Румянцев Н.П.

Интеллектуальные беседы за обедом. Из будней Румянцевского кружка

Многое из достижений в науке первой половины XIX столетия, как известно, было связано с именем графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826), выдающегося государственного деятеля, канцлера Российской империи, знаменитого ревнителя российских древностей, осуществлявшего широкую меценатскую деятельность по финансированию научных проектов как отечественных ученых (огромное количество «первоизданий» документальных памятников русской истории, выявленных в архивах) [1, 4], так и иностранных, которым он представлял своего рода «гранты» на проведение исследовательских историко-археографических проектов, связанных, прежде всего, с историей народов, населявших Россию [3].

Разумеется, в этом вопросе еще много неизвестного и заслуживающего изучения. В настоящей работе, однако, речь пойдет об одном весьма любопытном и, как представляется, своеобразном аспекте деятельности Н.П. Румянцева, — его (назовем их так!) «интеллектуальных обедах» в особняке на Английской набережной в Санкт-Петербурге.

Следует сразу оговориться, что сии интеллектуальные обеды в особняке Румянцева не имели почти ничего общего с общепринятыми в аристократической среде Петербурга салонами, балами, пышными обедами с их особой культурой (это хорошо описано у Л.Н. Толстого в «Войне и мире»).

Во-первых, в конце жизни (а для нас важно, прежде всего, последнее десятилетие жизни Николая Петровича Румянцева) аристократическая «тусовка» как таковая его уже, в сущности, не интересует. Он понимает, что вступает в «зону риска», и надо успеть осуществить хотя бы часть задуманного. Поэтому его интеллектуальные обеды — это общение с единомышленниками, людьми науки, своими главными экспертами, консультантами и помощниками в деле целенаправленного, широкомасштабного обследования архивных, рукописных, археологических, нумизматических и других фондов, подлежащих выявлению, уже выявленных, вновь найденных и представленных на усмотрение канцлера.

Среди таких экспертов, в задачу которых входило определить не только научную, но и финансовую стоимость того или иного научного проекта или артефакта, главными на обедах у Румянцева были академик Филипп Иванович Круг (главное доверенное лицо по связям канцлера с миром науки), академик-востоковед Христиан Данилович Френ, специалист по греческим и римским древностям, академик Егор Егорович Кёлер, историк, археолог, лингвист, член-корреспондент Императорской академии наук Федор Павлович Аделунг, знаменитый мореплавателю, путешественник, географ, почетный член ИАН Иван Федорович Крузенштерн¹, являвшийся непременным участником обедов у Румянцева (естественно, когда приезжал в Петербург из своего поместья около Ревеля, причем останавливался он чаще всего у Ф.И. Круга, в его квартире в академическом доме на Васильевском острове; иногда жил месяцами).

Ясно, что названные здесь фигуры — это лишь верхушка айсберга, каковым и был так называемый «Румянцевский кружок» как некий коллектив многочисленных иногородних (особенно московских) и иностранных ученых.

Во-вторых, традиционный путь собирания в гостиных почтенного общества оказался для канцлера невозможным еще и по причине его прогрессирующей глухоты. Трагичность ситуации, в которой оказался граф, особенно остро подчеркнута в сообщениях об этих встречах историка Н.М. Карамзина. «В здешнем свете худо без зрения и слуха, — пишет Николай Михайлович своим друзьям о Румянцеве в 1817 г., — поэтому наш добрый канцлер приводит меня в большую грусть», «...с ним почти говорить нельзя, и я лишаюсь в нем одного из приятнейших для меня собеседников», «...смотрим друг на друга, а беседовать не можем», «кричу изо всей силы, а пользы нет. Однакож все еще обедаю у него раз в неделю; только что обедаю!.. Знатность и богатство теряют свою цену в таких обстоятельствах»².

Тем не менее, один из таких обедов у Н.П. Румянцева, и именно с участием Н.М. Карамзина (помимо обычных участников присутствовали

И.П. Медведев,
главный научный
сотрудник
Санкт-Петербургского
института
истории РАН,
член-корреспондент
РАН,
доктор исторических
наук

баварский посланник граф де Брэй и генерал Клингер), живо описал в лейпцигской газете *Blätter für litterarische Unterhaltung* немецкий историк по фамилии Буссе (между прочим, автор книги о князе Владимире) [2]. Румянцев, когда ему представили Буссе, извинился за то, что гостя «мало может интересовать личное знакомство с глухим человеком, но, может быть, — оговорился он, — другие гости, которых я ожидаю, вознаградят вас за ту скуку, которую я на вас наведу». Тем не менее, за столом канцлер рассказал немало занимательных историй, и «изящною манерою

изложения сумел сделать свою речь чрезвычайно увлекательною; говорил он по-французски с редким совершенством, но так как его глухота затрудняет разговор с ним, то он много говорит сам и охотно рассказывает; вследствие этого, его соседи за столом могут только выиграть, слушая его занимательную речь». Впрочем, именно Карамзину Буссе, который сидел за обедом рядом с историографом, приписывает весьма любопытное высказывание о приемах работы историка, о «моем (как тот выразился) способе писать».

«Из всех литературных произведений народа, — говорит Николай Михайлович Карамзин, — изложение истории его судьбы более всего должно вызывать интерес историка. И менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия. Он должен быть прежде всего правдив, но он может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, кем, прежде всего, и должен быть историк» [2, с. 453].

К сожалению, других достаточно подробных описаний «интеллектуальных обедов» у графа Румянцева нам неизвестно, зато имеется значительное количество отрывочных сведений о них.

Во-первых, это многочисленные записки (на французском языке) самого Румянцева с приглашением на обед и с «повесткой дня» данной встречи, адресованы чаще всего Ф.И. Кругу, с указанием захватить с собой «месье Френа», иногда «созвать все наше сообщество» (*toute notre société*), а иногда и просто — «пообедать *tête-à-tête*». Что это за «сообщество», каковы его состав, программа и т. д. — не уточняется.

Вот несколько примеров.

23 марта 1818 г.: «Очень раздосадован тем, что у меня не будет возможности увидеть всех ни завтра, ни во вторник. Поэтому приглашаю вас на обед в среду, чтобы говорить относительно Ярцова»³ [6].

4 января 1819 г.: приглашает на обед в понедельник, но будет весьма обязан Кругу, если тот окажет честь придти в 2-30, с тем чтобы «у нас были небольшие полчаса (видимо, до обеда. — И.М.) на разговор о Вашей замечательной записке о Китае, которую я прочитал и перечитал, несмотря на новогодние забавы. Она свидетельствует одновременно и о больших Ваших познаниях, и о глубокой проницательности. Мне очень любопытно знать, кому Вы ее предназначаете» [7].

21 января 1819 г.: «С удовольствием жду Вас, месье, пообедать со мной завтра в понедельник и обсудить Записки Краковского университета на предмет того, что в их историческом разделе найдется любопытного и проливающего свет на нашу историю. Жду также двух персон из венской миссии, о которых Вы мне сообщали, что они желают повидать статую Кановы. Буду очень рад показать ее им»⁴ [7, л. 12—12 об.].

30 января 1819 г.: «В понедельник принять вас не смогу и приглашаю на вторник. Вот вам несколько русских монет. Будьте любезны вернуть мне их, когда придете на обед, и сообщить мне, имеют ли они хоть какую-то ценность и какую цену за них можно предложить» [7, л. 13].

14 февраля 1819 г.: приглашает на обед, с тем чтобы заодно «поговорить о серебряной монете, которую только что вырыли в Тверской губернии и сделали для меня с нее очень точный рисунок, который Вы найдете в приложении к данной записке. Я принимаю ее (монету) за арабскую или татарскую, но это доказывает, может быть, лишь то, что я в этом ничего не понимаю. Ваше мнение, таким образом, по необходимости станет моим» [7, л. 14].

14 марта 1819 г.: «Плохая погода, что на дворе, оставляет мне, месье, мало шансов увидеть Вас на обеде у меня, о чем я тешил себя надеждой. Отсылаю Вам прекрасное письмо г-на Ярцова и весьма удовлетворительный ответ Малиновского. Прошу Вас передать их г-ну Френу, который, явившись ко мне на обед, сможет вернуть их мне. Я должен ответить на него завтра рано утром. Г-н Френ сможет, надеюсь, сказать мне, какой ответ вы оба считаете возможным с моей стороны» [7, л. 18].

14 ноября 1819 г.: «Так как я предвижу невозможность собрать *вас всех* у меня в понедельник, предлагаю Вам, месье, одному прибыть ко мне завтра, в субботу, чтобы оказать мне честь отобедать со мной. Мы бы поговорили о полученных из Парижа письмах (от господ Газе и Сен-Мартена), а я показал бы Вам рукопись...» (далее неразборчиво) [7, л. 32].

2 февраля 1820 г.: приглашает на обед, чтобы заодно рассмотреть «небольшую итальянскую брошь» [7, л. 52].

13 марта 1820 г.: «Льщу себя надеждой принять *всех вас* отобедать в следующий понедельник» [7, л. 54].

21 марта 1820 г.: ждет завтра на обед и дарит первый том шведских писателей эпохи Средневековья, с тем чтобы Круг сообщил, есть ли здесь что-нибудь интересное относительно России [7, л. 59].

25 марта 1820 г.: «Заранее радуюсь, что приму Вас в ближайший понедельник и покажу Вам копию письма Императора к Газе о на-

граждени его орденом Св. Владимира⁵. Оно (т. е. письмо. — *И.М.*) создано, чтобы удовлетворить амбиции месье Газе, и Вы знаете, с каким живым интересом я принимал в этом участие» [7, л. 61].

Упомяну еще лишь об одной — печальной — вести. «Я не смогу, месье, — пишет Н.П. Румянцев 8 мая 1820 г., — объединить вокруг себя в будущий понедельник все наше сообщество, как обычно делаю это. В этот день состоятся похороны. Одна молодая особа (*une jeune personne*), в воспитание которой вложила столько усилий моя тетушка (т. е. Анна Никитична Нарышкина. — *И.М.*), одарив ее богатым приданым, только что умерла. Вместо понедельника я предлагаю Вам придти пообедать со мной сегодня, в субботу, и приведите с собой Френа. Нас будет лишь трое и ваше *instructive société* смягчит мое горе»⁶ [7, л. 71].

И еще один весьма своеобразный источник информации об этих встречах за обедами у графа Румянцева — это около 50 отрывочных записочек на французском языке, хранящихся в румянцевском фонде НИОР РГБ [5], непосредственный продукт встреч, ибо все эти записки — письменная реакция участников бесед за столом на какие-то устные высказывания или вопросы хозяина. При всей сложности понимания этих вырванных из контекста беседы, отрывочных и не датированных эпизодов можно в какой-то степени составить представление, о чем именно шла речь⁷. Пересказывать эти записочки вряд ли здесь стоит, но привести несколько примеров все же хотелось бы.

Так, однажды, по-видимому, Н.П. Румянцев поинтересовался ходом дел в отношении раскопок в Крыму, на которые он выделил свои денежные средства. Круг, ссылаясь на предоставленную ему информацию академика Кёлера, отвечает, что тому известно более 40 курганов, для работы с которыми нужно разрешение князя Кочубея. По мнению Кёлера, самым подходящим человеком для раскопок является полковник Патиньёти, находящийся в Керчи под начальством адмирала Грейга: у него есть команда матросов, он честен и никогда не поступит так, как это делает Брюс, который «взял себе или продал то, что нашел благодаря Вашим, монсеньер, деньгам. Но Кёлер не уверен, согласится ли Патиньёти на это <...> Кёлер считает, что около Севастополя можно найти немало замечательных памятников, а золотой обруч и статуйка, которыми Вы располагаете (*le cercle d'or et la petite statue que Vous possédez*), он оценивает в 6 тысяч рублей» [5, л. 1—1 об.]. И хотя об этих событиях, персонажах и даже о названных артефактах мы можем прочитать в капитальном труде И.В. Тункиной [8], некоторые нюансы, содержащиеся в приведенном отрывке, представляются весьма любопытными.

Другой пример: видимо, отвечая на запрос Н.П. Румянцева о неких монетах, Круг пишет на клочке бумаги: «Среди этих монет некоторые за-

служивают внимания, например, гривна 1726 года, названная Гривной Меншикова, и копейка царя Василия Ивановича (Шуйского). Правда, обе — не редки, но они хорошо сохранились. Следует составить о них представление, ибо эта гривна — другого сплава, нежели те, что были отчеканены в царствование Петра I» [5, л. 14]. А вот — ремарка академика Круга (видимо, на какой-то вопрос графа): «Описание самых замечательных рукописей в Венеции я нахожу в каталоге, которого я не могу раздобыть, а именно: *Della pubblica libreria di San Marco (Venezia, 1774, автор — Morelli)*. Кардинал Виссарий отложил там много греческих рукописей, которые он скупил за большие деньги в Константинополе» [5, л. 18]. Оказывается, и об этом говорилось на румянцевских «посиделках»!

Еще одна записка: «Это тот самый *Mionnet*, который опубликовал 6 томов о греческих монетах⁸, которые (т. е. тома) стоят 160 франков. Вы, Монсеньор, располагаете ими? Монеты Боспора, Фракии и т. д., в них также содержатся, но я спрошу у Кёлера, знает ли он и другие труды» [5, л. 20]. «Это та самая золотая медаль, — говорится в другой записке, — которой располагает Эрмитаж. Полагаю, что она — от болгарского короля (*Je crois qu'elle est d'un roi Bulgare*). А это — медали Византийской империи (*du Bas — Empire*), императора Иоанна и императора Исаака Комнина» [5, л. 33]. И еще, напоследок, запись: «Несомненно, это та рукопись, которую Ваша светлость имеет в виду. Между прочим, там есть еще Правда Русская. Эта этимология, о чем я (т. е. акад. Круг. — *И.М.*) хорошо помню, была определена г-ном Калайдовичем. Это слово находится в речи одного епископа XII или XIII века» [5, л. 36]. Какая этимология, какое слово? Остается лишь догадываться.

Таким образом, так называемые интеллектуальные обеды в особняке Румянцева на Английской набережной были, скорее, своеобразными научными симпозиумами. Правда, греческое слово «симпозион» означает также «совместное распитие спиртных напитков», и в доказательство того, что наши интеллектуалы не брезговали этим, приведем еще одно весьма любопытное свидетельство, причем, исходящее от самого хозяина. «Вы были правы, — пишет Н.П. Румянцев Кругу 19 ноября 1819 г., — у меня в подвале — вино, мадера, которое мне доставил месье Коцебу⁹. Разрешите почтить Вас 100 бутылками для Вас и 100 бутылками для Френа. Вино окажет мне лучшую из услуг, если оно поспособствует (как я желаю и надеюсь на это) укрепить Ваше здоровье и здоровье нашего друга. Позвольте предложить Вам оказать мне честь — придти ко мне на обед завтра и привести ко мне месье Френа. Мы пообедаем втроем» [7, л. 34].

В заключение хотелось бы привести одно ностальгическое воспоминание о «посиделках» в особняке Румянцева. Граф Франсуа-Габриэль де

Брэй (француз на немецкой службе, много лет провел в Петербурге в качестве баварского посланника, но после окончания дипломатической карьеры осел в Париже) в своих письмах из Парижа к Ф.И. Кругу часто писал, что ему никогда не забыть «наших», как он пишет, интереснейших встреч у «дорогого канцлера» и «той любезности, с которой он выказал свою готовность снабжать меня нужными мне трудами в период моей работы над моим сочинением о Ливонии»¹⁰, а в письме от 19 марта 1825 г. де Брэй ностальгически восклицает: «Какое это было бы счастье, если бы у нас появилась возможность собраться здесь (т. е. в Париже. — *И.М.*), как некогда в Петербурге (у канцлера. — *И.М.*), вместе с превосходным Крузенштерном, Аделунгом, Шторхом, Уваровым, Олениным, Кёлером и многими другими — память о которых навсегда останется со мной. Сблаговолите сказать им это и передать нашему достойному канцлеру, что я храню признательную память обо всех его благодеяниях. Его бюст украшает камин в моей библиотеке. Он здесь в компании, которая ему вполне подходит»¹¹ [9].

Примечания

- ¹ Более подробные данные об этих персонажах (включая их природные имена, портреты и т. д.) см.: Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724—1917. — М., 2009. (Указатель имен).
- ² Все эти цитаты, взятые из писем Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву и А.Ф. Малиновскому, воспроизведены в ст.: *Бекасова А.В.* «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации (на примере графа Н.П. Румянцева) // *Вопр. истории естествознания и техники.* — 1995. — Т. 1. — С. 26—27.
- ³ Я.О. Ярцев, которого Румянцев транскрибирует на своем французском как «Ярцов», — востоковед-санскритолог, ученик Френа, участвовал в подготовке к публикации сочинения Абульгази «Родословное древо тюрков».
- ⁴ Речь идет, разумеется, о мраморной скульптуре «Мир» Антонио Кановы, которая ныне находится в Киевском государственном музее западного и восточного искусства.
- ⁵ О награждении парижского эллиниста (немецкого происхождения) Карла Бенедикта Газе, осуществившего по заказу и на средства графа Н.П. Румянцева первое издание «Истории» Льва Диакона, орденом Св. Владимира IV степени, см.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории / И.П. Медведев. — СПб., 2006. — С. 60.
- ⁶ Кстати, в этой кончине таится какая-то загадка. Ведь и сама бесконечно любимая Николаем Петровичем тетюшка умерла незадолго до этого — в феврале 1820 г., и Румянцев, чтобы как-то пережить трагедию (а он квалифицировал ее как «развал семьи»), уезжает из Петербурга, в частности, в Новгород, откуда он писал акад. Кругу.
- ⁷ Нам этот материал тем более понятен, поскольку приходилось лично общаться с одним иностранным коллегой именно аналогичным образом: будучи оглохшим, он обращался к собеседнику устно, а тот реагировал письменно (речь идет о недавно ушедшем из жизни Хансе-Файте Байере).
- ⁸ Речь идет о каталоге: *Mionnet T.E.* Description de médailles antiques, grecques et romaines. — P., 1806—1813. — 6 vols.
- ⁹ Имеется в виду О.Е. Коцебу (1788—1846) — мореплаватель, племянник и ученик И.Ф. Крузенштерна, совершивший в 1815—1818 гг. (по заказу и на средства Н.П. Румянцева) кругосветное путешествие на бриге «Рюрик».
- ¹⁰ Имеется в виду издание: *Essai critique sur l'histoire de la Livonie suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province / Par L.C.D.B.* (т. е. le Comte de Bray. — *И.М.*). A Dorpat, 1817. — Т. 1—3.
- ¹¹ Кстати, подобный бюст канцлера Румянцева был преподнесен им самим и акад. Кругу. «Льщу себя надеждой, — пишет он Кругу 5 мая 1821 г., — что мой бюстик передан Вам. Прошу Вас, храните его в Вашем кабинете в качестве гаранта преданности, которую я всегда питал к Вам» [7, л. 111].

Список источников

1. *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей / В.П. Козлов; отв. ред. В.И. Буганов. — Изд. 2-е, дополн. — М.: Наука, 1985. — 174 с.; Он же. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века / В.П. Козлов. — М., 1999. — 416 с.
2. *Майков Л.Н.* Николай Михайлович Карамзин у графа Н.П. Румянцева в 1824 г. // Русская старина. — 1890. — Т. 67 (сентябрь). — С. 449—456.
3. *Медведев И.П.* Граф Н.П. Румянцев и парижский ориенталист Жан Сен-Мартен. Петербургский грант Парижу на издание восточных текстов // Санкт-Петербург — Франция: наука, культура, политика. — Спб., 2010. — С. 123—149; Он же. Россия как «спонсор» европейской исторической науки в начале XIX в. Граф Н.П. Румянцев и его парижские партнеры // Исторические записки. — 2005. — Т. 8 (126). — С. 364—389.
4. *Молчанов В.Ф.* Государственный канцлер России Н.П. Румянцев / В.Ф. Молчанов. — М.: Пашков дом, 2004. — 571 с.; Он же. Книжная культура России XIX века. Эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева / В.Ф. Молчанов. — М.: Пашков дом, 2006. — 466 с.
5. НИОР РГБ. Ф. 255. Картон 8. Ед. хр. 19.
6. ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 74. Л. 10.
7. Там же. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115.
8. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.) / И.В. Тункина. — СПб.: Наука, 2002. — 676 с.
9. «Я был так привязан к России!». Неопубликованные письма графа де Брэя (Публикация, вступит. ст. и комментарий И.П. Медведева) // Вестн. истории, литературы, искусства. — М., 2008. — Т. 5. — С. 459.

УДК 021 : 069(470+571)

ББК 78.33(2)л61

Румянцевский музей: живая традиция. Круги на воде **Выставка к 150-летию создания Московского публичного** **и Румянцевского музеев**

Благородный труд Н.П. Румянцева по выявлению и сохранению памятников национального исторического наследия увенчался не менее благородным и логичным, сообразно всему образу жизни канцлера венцом — передачей собранной им коллекции в дар государству Российскому и всему русскому народу.

Однако сам Николай Петрович не успел заняться созданием музея, заботу о его организации взял на себя его брат — Сергей Петрович Румянцев. И хотя петербургский период существования музея был нелегким, но камень был брошен, и, как по воде, по судьбам многих людей пошли круги, связывающие их друг с другом и с Румянцевским Музеем, который после переезда в Москву получил наименование Московского публичного и Румянцевского музеев.

В рамках празднования в 2012 г. 150-летия Московского публичного и Румянцевского музеев (МПиРМ) на выставочной площадке Российской государственной библиотеки была организована небольшая, но интересная выставка. Перед ней не стояла задача осветить всю историю возникновения и существования МПиРМ в связи с обширностью и многогранностью данной тематики. Цель выставки была скромнее — показать живую традицию продолжения дела канцлера графа Н.П. Румянцева, на протяжении многих лет сохраняемую в МПиРМ.

Официальной датой основания МПиРМ считается 19 июня 1862 г., когда было утверждено «Положение о Московском публичном

Музеем и Румянцевском Музеем». С этого времени начинает формироваться и собственный архив Библиотеки, куда постепенно стекаются различные документальные свидетельства ее внутренней истории (документы Канцелярии МПиРМ, уставы, положения, правила работы, отчеты и документы к отчетам, дела о пожертвованиях в фонды, протоколы заседаний Ученых советов, Ученых коллегий, финансовые документы, планы владений и проекты строительства зданий МПиРМ, переписка с Собственной Его Императорского Величества канцелярией, Министерством народного просвещения и другими учреждениями, документы по личному составу).

На выставке был представлен только Московский период существования МПиРМ, по большей части 1862—1925 гг., подкрепленный документальными материалами из архива Библиотеки.

Выставка. Общий вид